

18+

павел бельдюгов

~~ПОЭМЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ХРОНИКИ~~

Павел Бельдюгов

ПОЭМЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ХРОНИКИ

«Издательские решения»

Бельдюгов П.

поэмы криминальной хроники / П. Бельдюгов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748424-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Павел Бельдюгов как исследователь «траурных мест» ответственно подходит к своему делу, он тщательно исследует архив древности и способен ответить на любой вопрос. Кроме тех, что касаются его самого. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-748424-8

© Бельдюгов П.
© Издательские решения

Содержание

путешествие мимо покинутых траурных мест	6
от двух до восьми	9
маленькие города без названий	9
чтобы стать похожим на героя	10
человек не с ружьем	11
завтрак царствующей особы	12
вторая линия	13
деда	14
королева умирает	16
живое ископаемое	17
респектабельный сэр	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

ПОЭМЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ХРОНИКИ

Павел Бельдюгов

*Nos habitat non tartara, sad nec sidera coeli,
Spiritus in nobles qui viget, illa facit.*

Agrippa von Nettesheim

*To the hustlers, killers, murderers,
drug dealers, even the scrippers.
Jesus walk for them.*

Kanye West

Дизайн обложки Игорь Черченко

Предисловие Дарья Дорохина

Корректор Виктория Майорникова

© Павел Бельдюгов, 2016

ISBN 978-5-4474-8424-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

путешествие мимо покинутых траурных мест

Мы родились в 80-е, но начались гораздо раньше. Любой из нашего поколения не раз представлял собственную смерть «в безымянном болоте» подо Ржевом или на Курской дуге. Умирал там десяток раз, из года в год, под кадры чёрно-белой кинохроники, под будоражащий марш прощался со славянкой и не возвращался больше никогда. Прежним – никогда. Представление, которое я пытаюсь описать, представление о собственном прошлом, – не фантазия и не миф о кармическом перерождении, не идея о переселении душ, а нечто включённое в наше присутствие – рождалось вопреки организованному забвению. На опустошённых школьных торжествах мы обретали опыт невозможного, мы обретали плоть. Через выхолощенные, празднично-траурные даты нам открывалось иное измерение – не административно-назидательное, не приторно-пафосное, не мифотворно-лицемерное, но то, где «мёртвый равен живому», где герои несуществующего прошлого плотно связаны с нами, настоящими. Так мы становились «живыми», секретно, по-шпионски, прорастали из безымянных могил. Взрослеть нам выдалось в странное время: прошлое, словно «обескровленную мумию» прятали за бронированное стекло, чтобы не дай б-г... Чтобы случайно не вспомнили, или случайно не забыли. Да, вспоминать и забывать нам «не рекомендовалось» в равной мере. Как оказалось, эти процессы сущностно близки, оба действия множат непредсказуемые последствия, которых всеми силами старались избежать наши уставшие «наставники». Пренебрежение – эффективное средство от нежелательных последствий. Нам предлагалось, не разрешив задачи времени, вновь и вновь заходить на тот же круг забвения, где места нет ни мёртвым, ни живым. Из года в год мы декламировали одни и те же строки, от которых, как по сигналу, у наших перепуганных «наставников» текли «сладкие слёзы». Они знали: нет в той поэзии рифмы, которой они бы ни предали. И мы это знали. Всё, что от нас требовалось – раз в год помахать белым платочком «неизвестному солдату» на «безымянной высоте».

Когда тебя лишают прошлого, тебя лишают плоти и возможности непосредственного восприятия мира. Перед тобой возникает толстая выпуклая линза кинескопа. Ты больше не участник события, ты лишь смотришь разнообразное кино. Как правило, мелькающая картинка уходит за собой, гипнотизируя, увлекает в страну грёз, заставляет забыть о твоём собственном желании, ставит перед формальным выбором, закаляет послушного потребителя, пригодного для жизни в ситуации затянувшейся субботы. Когда воскресенье назначено на завтра, которое не наступит никогда. Мы выросли в мире, где «чтобы научиться жить сегодня надо умереть вчера». Но как быть тому, кто не хочет забывать? Что остаётся тому, кто не утратил способность различения? Смотреть на тот же самый экран, но видеть совершенно иное. С особым вкусом рафинировать сюжеты, созидать и наполнять смыслом грошовой базарные постановки, полагаясь только на себя. Взять всю ответственность за них на себя: «Эй, Джимми! Ты умрёшь за меня? – Я умру за кого угодно». Так мы открывали новые пути к классическим сюжетам, пути к «не своему» прошлому.

Наши предки, чьи имена, выписанные в столбик, мы ежегодно зачитывали с гранитной мемориальной плиты, стояли с титанами плечом к плечу. Наше взросление выпало на странное время: все механические титаны были сданы в металлолом. Рухлядь обшарпанных дворов, разрушенные промки и непотребные подвалы становились ландшафтами для героического эпоса, но несколько иного толка.

А кинескоп, тем временем, исполнял желания почтенной публики. За несколько последних веков в сознании каждого обывателя, от Берлина до Порт-Артура, закрепилось понимание – перечень возможностей неисчерпаем. Выбор между Gucci и Prada, между красной таблеткой и синей таблеткой – это и есть существо жизни. Я выбираю, значит, я существую. Выбор есть всегда, тупиковых ситуаций не бывает – учит нас трёхкопеечная мораль так называемого

постиндустриального общества. Но есть и другие зрители круглосуточного шоу, зрители с бездонным взором, те, кто остаётся вплоть до самого конца финальных титров, в тайне надеясь дожидаться, когда же включат свет. Так вот, эти зрители, принявшие на себя весь перечень ролей, с придирчивостью учёных-энциклопедистов, вдруг пробудились и переместились в своём вопрошании на самый крайний рубеж: что бывает после исполнения всех желаний? «Мелкие мечты всегда сбываются – все, что можно купить за деньги». А что если одна возможность ничем не лучше и не хуже другой? Фабрика исполнения желаний вдруг начала сбавлять темп, на секундочку стало можно отвести взгляд от конвейера и оглянуться на себя: «мы становимся старше, но не становимся лучше». Кажется, пришло время поставить под вопрос суть романтического свободного выбора, а значит и самой субъективности. Вдруг появился некто, невозмутимо склонившийся над трупом романтического героя из голливудского блок. Тот, кто не желает примерять на себя поношенное «верблюжье пальто» мертвеца из Бентли, при этом сохраняя особо тонкое восприятие, оголённый и продлённый во вне нерв: «но зато если быть до конца откровенным по ночам я действительно слышу мелодию ветра».

Европейский XX век вышел из кровавой реки Первой мировой и, по мере своего продвижения, пополнял мемориальный список умерщвлённых субъектов. Наконец, речь зашла и о смерти самого романтического из них. Для выяснения причин потребуется полноценная криминологическая процедура. И вот, он пришёл, патологоанатом собственной плоти. Патологоанатом текста и нормы – сам вчерашний мертвец. Сколько таких не уместилось на кончике иглы – не сосчитать.

Патологоанатом, исследователь «траурных мест», препарирует, делает срез, берёт опытный образец, в котором можно рассмотреть следы былого – останки, насекомую мелюзгу, черепки и мусор. Материал, по которому мы судим о жителях предыдущих эпох. Всё смешалось в единый, не расщепляемый ком – и исследователи «бурь минувшего столетия с безнадежно испорченным вкусом», и «глашатаи современности» – ото всех них остается одно и то же – куча гумуса и мелких камешков. Да растрескавшийся портрет на покосившейся стенке. Но для патологоанатома лицо смерти – повседневность, он заглядывает в него регулярно, поэтому ему не страшно. Он описывает смерть не в романтическом ключе, будто это мотив ускользания в подлинный мир, а как пронзительный финал, как «жирную точку пули», как неизбежность, как кульминацию мужества и сдержанности:

«чужие секреты оставались зарытыми с ними
в их помыслах о третьем риме
прорастает трава и корни рябины
потом наступает зима»
или
«дуло в рот и щелчок
спуск предохранителя
деревенский дурачок
обслюнявил родителя»

Исследователь «траурных мест» ответственно подходит к своему делу, он тщательно исследует архив древности и способен ответить на любой вопрос. Кроме тех, что касаются его самого. Как описать себя, оставаясь отстранённым? Или остаться слепым пятном – то ли ангелом в белом одеянии, то ли строгим доктором в медицинском халате? Какие слова подобрать, «чтобы стать похожим на героя», но, продолжая делать своё дело, не утратить контроль, не начать изображать кого-то другого, играть чью-то роль. Как, оставаясь внутри пространства экспрессии, внутри мечты, среди собственных снов, обезопаситься от чужих врачебных интерпретаций, чтобы безнаказанно видеть «африканских птиц» по ночам. Как, оставаясь открытым, продолжать отделять самость от обобщенной нормы. Как удержать свою тайну, которую

не хочется раскрывать. Как начать и перестать в одной точке, ведь так не хочется о себе. Вдруг выяснится, что ты и есть тот романтический субъект.

Тем не менее, криминалистическая экспертиза проведена. Заключение готово. Вскрытие текста показало – на момент смерти память ещё была жива.

*Дарья Дорохина,
магистр философии РГГУ*

ОТ ДВУХ ДО ВОСЬМИ

маленькие города без названий

маленькие города без названий
вечера глухи как бутылка водки
на ржавых гербах снега да иней
и идешь вне зависимости от походки
почему-то сутулясь всегда в раскачку
в окнах тают немые старухи
посуда звенит ожидая жарчку
тишина и в плафоне сгоревшие мухи
улицы давятся грязью вороны
на столбах отбивают фокстроты
в миске слипшиеся макароны
за стеною любовь до икоты
напевает под нос зашивает колготы
носки может думает глядя в телек
после пятниц приходят субботы
вместе с пивом кино про калек
или славных героев с пистолетами
сны тревожны а если и снится
то бабы по-зимнему одетые
а к утру – африканские птицы

2002

чтобы стать похожим на героя

чтобы стать похожим на героя
нужно быть хмурым и сильным
изображать шопенгауэра или ковбоя
пахнуть потом мылом юзать кокаин
танцевать аргентинское танго и пить
только белую водку мечтать о сыне
носить тяжелые ботинки иногда ночевать
в гостинице или чужой машине
нужно уметь стрелять чтобы
пули непременно летели в десятку
знать всех местных шлюх помогать
старухам заправлять панталоны
курить безразлично но любить – тебя
и лишь для одной тебя быть героем

прочие герои маршируют строем
маршируют строем в дальние края

2006

человек не с ружьем

человек не с ружьем
но дурак с пистолетом
девка слезы ручьем
и куплет не допетый
кап по каплям в асфальт
пышнотелой столицы
упадет синий март
в лужу талой водицы
и такая тоска
что не сохнет стакан
что дуло у виска
и не сунешь в карман
мостовую и свет
здесь замерз на стекле
чтобы пьяный поэт
так и плакал а мне —

мне бы просто шагать
мне бы просто глазеть
и глаголы считать
плавя солнце на медь

2006

завтрак царствующей особы

царствующая особа
готовится к раннему завтраку
подогретый фарфор
отражает лица прислуги
бьет восемь
птицы снимаются с елей
совершая круг почета
над заснеженной резиденцией
розовощекий караул
переминается с ноги на ногу
шуршание салфетки
повязываемой на шею
подобно команде смирно
и мир – замирает
несут яичницу

2007

вторая линия

когда-то клялся больше не писать тебе стихов
здесь дело даже не в столь странном чувстве
связующем в одно тебя тот город сито снов
меня дымящуюся чашку кофе реку в январе
здесь дело даже не в любви и кнопках телефона
словах делах разлуке ожидании иных запретах
ошибках времени уловках скользкого перрона
промокших спичках и забытых сигаретах

так долго не писал тебе стихов что думал
не осталось места в голове для зимнего пейзажа
как пьяный землемер я рисовал волной овал
пустынной площади и каждый угол метил сажей
чтоб защитить свое и уберечь твое пространство
мне не стать другим но в этом трепетном стиле
распрошаюсь с тобой и вернусь в свое самозванство
позабыв между строф о суровом зубастом зоиле

у бога выменяв уменье исповедоваться в строчках
став невидимкой тенью на стене немного психопатом
проезжим заплутавшим в позабытых адресах
я плох в ипостаси героя товарища старшего брата
правоведа и библиомана любителя модного ретро
но зато если быть до конца откровенным
по ночам я действительно слышу мелодию ветра
но навеки останусь для этого камня чужим

только прошлое заботит слух золотого мальчика
лишь зима определит порог его беспечности
в этюднике плохого рисовальщика
его дым – и тот стремится к вящей бесконечности
кому как не мне отдать сполна тебе должное
кому как не мне сесть в полуденный поезд
всю дорогу считая столбы и смеясь невозможному
путешествовать мимо покинутых траурных мест

2007

деда

в 19 году
ему семнадцать лет.
в моем роду
он самый древний дед.
на чахлоу кобылке
с трофейным наганом
лицо без ухмылки
из своего кармана
слов не тянет
там табак да крошки
днем делом занят
вечерком на гармошке
мальчиков забавит
те отвечают лаской
деревенщина домовит
куркулек пшено в каску
сыплет с горкой
а крови не боится
закусит коркой
и не снятся лица
мертвых братиков
и смерть работа
по воде кругов
без счета.

когда он умер
я еще не был
и не стал пионер
но знак носил
и говорили матери:
«так похож на Ленина!»
мне было три
и снилась целина
ветер по траве
тела распятые
трубил на трубе
ставил запятые

своего соседа
дружка финал
один и что ж
деда, деда!
и я бы резал
дайте нож.

2007

королева умирает

кире нейман

вечность – в подарок

холстам и маслу прочим артефактам
столь трепетно возлюбленным иными
праздными гуляками с монмартра
заполнившим стаканы зимним солнцем
залившим в позолоченные рамы вечность
в прощальной судороге кусающих распяты
она предпочитала менуэты с манекеном
оскалы псов из длинных сновидений
казались ей предвестниками пресной муки
а боль не больше чем органом Иоганна
ведь музыка рождает только звуки
поклоны скорби не подвластны уху
но – обьяв сетчатку в абсолюте
проложенным последует маршрутом
немому богу указав на дверь
свою судьбу загнав в пространство
меж четырех морей поправших камни
размазывая по картону экскременты
кровь и слезы ладонью ласковой
прошенья не даруя царствие приблизив
с колен крича воздевши к небу длани
она молила бесконечность неистово поклоны
отбивая именам не знавшим начертанья
свою литанию служа как панихиду
не став свободной но приблизив точку
превосходства над вселенной
в тот день она достала из обитого комода
обласканный триумфами смит—вессон
сорок четвертый русский браво щелкнул
прекрасная эпоха и ее конец
вошли во все учебники истории
кусты азалии под тем окном
цветут по-прежнему
а более – ни слова

2007

живое ископаемое

убогим жителям продажных городов
поколениям серых невинных увлеченных
бурями минувшего столетия
с безнадежно испорченным вкусом
выжившим выкарабкавшимся извлеченным
еще живым но похожим на древние кости
своей обреченностью и непригодностью
ностальгирующим всухомятку
теплые ляжки и животы ласкающим
вечерами темными под красным абажуром
интеллигентшички молодящиеся дедушки
в фетровых шляпах старушонки
зубастые с пьяными лицами художники
словоблуды и внимательные читатели
комментаторы пыльные и другие
млекопитающие временем напуганные
безвозвратно раскуроченные себя
продавшие на откуп современности
выблядки цивилизации и освещенных
людных сторон улиц трусоватые
глашатаи свободы новой эры
столбенеющие от щелчка затвора
блеском извлеченного ножа
замороженные прячущие лица
в толстые умные книжицы
так страшась запачкаться
от грязных и сальных прикосновений
такого же жалкого но менее сметливого
более несчастного и все же
млекопитающего ваши кости
когда-то извлекут из недр
скрытых безымянных кладбищ
укроют стеклянными колпаками
в музеях древней истории
мои потомки станут в тех залах
скупать совершая экскурсии
юные и счастливые смеясь
друг друга поддевая локотками
толпясь толкаясь и говоря:
вот были же люди!

2007

респектабельный сэр

респектабельный сэр
человек большого достатка
дзэн-буддист в верблюжьем пальто
отложив немецкий томик юнгера
задумчиво смотрит в свой молескин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.